

**КОНЦЕПТ «ВЛАСТЬ» И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ
В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРСОНАЖА
В ПРОИЗВЕДЕНИИ Л. ФИЛАТОВА
«ПРО ФЕДОТА-СТРЕЛЬЦА, МОЛОДОГО УДАЛЬЦА»**

Автор: Ладутько Марина Владимировна, доцент кафедры белорусского и русского языков.

Контактная информация: тел.: +375 29 240 20 96; +375 44 577 73 30; эл. почта: ladutko.m@mail.ru.

Описание: В статье описывается речевое поведение художественного персонажа царя в произведении Л. Филатова «Про Федота-стрельца, молодого удалца», репрезентирующего концепт «Власть».

Description: The article presents the description of fiction character's verbal behavior in a work of fiction of L. Filatov «About Fedot-Archer, a young daredevil», representing the concept «Power».

Область применения разработки: Образование.

Внедрение (планируемое внедрение) разработки: Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», 2014 г.

Основные преимущества разработки: Исследование носит междисциплинарный характер.

Лексема *власть* присутствует в различных языках и называет практически одинаковые понятия. Анализ понятийного ядра концепта «Власть» по толковым словарям выявил следующие базовые составляющие концепта: «господство (доминирование), право, контроль (способность контролировать), сила, влияние, принуждение, авторитет» [1, с. 184; 2, с. 310; 3, с. 70]. Все перечисленные компоненты концепта обладают коммуникативной значимостью.

Представление концепта *власть* было бы неполным без ссылки на Словарь индоевропейских социальных терминов Э. Бенвениста, в котором описаны ключевые слова, связанные с понятием *власть*: «а) Царь (*власть*) – прокладывание границ – прямая линия – справедливое (праведное); *rex* (лат.) царь, король (англ. *regal royal*) *rego* (простирает, протягивать), *regio* (первоначально – точка в движении по прямой), *regione* (напротив); *rectus* (прямой); *regula* (инструмент для проведения прямой линии); *regere fines* (проложить границы в виде прямых линий) – сакральное действие, предваряющее строительство, магический характер такого действия. Прокладывает же границы лицо, наделенное самой высшей властью, – царь» [4, с. 249-250]. Э. Бенвенист, характеризуя смысловую структуру слова *власть* через его генетические языковые связи, указывал на признаки «*власть-магия-чудо*», «*власть-сила*», «*власть-говорение*».

Смысловая ассоциация «*власть – говорение*» представляет особый интерес для данного исследования.

Пьесе «Про Федота-стрельца, удалого молодца» [5] сам автор, Л. Филатов, определяет как *сказку для театра по мотивам русского фольклора*. Царь, один из главных действующих лиц пьесы, является распространенным персонажем народных сказок. Образ политического лидера – царя – в русском фольклоре, как правило, представлен положительно. Народное творчество демонстрирует практический, даже меркантильный подход к определению функций политического лидерства. Так, сакральной функцией лидера является защита от неблагоприятного воздействия высших, неземных сил, должна обеспечить общественное благополучие. От носителя власти требуется гарантировать стабильность и правильное руководство. Осуществление властных полномочий подчинено единому моральному закону. В чертах политического лидера – царя – доминируют мудрость, справедливость, качества военачальника (минимальный набор средств управления) и личное рассмотрение дел, близость к народу, обращение к нему за помощью, возвышение по заслугам, выход из низов (минимальный набор демократического управления) [6].

Ситуацию общения, в которой взаимодействуют персонажи пьесы, можно определить как асимметричную, соответствующую модели «*вышестоящий – нижестоящий*».

В фазе *завязывания контакта* отсутствуют формулы приветствия; обращения, наоборот, представлены довольно широко. Царь употребляет обращения-маркеры, заранее «предупреждающие» адресата о негативном отношении со стороны адресанта: по отношению к няньке: *нянька, дурында, шпиевка*; по отношению к генералу: *генерал, браток, вашеблагородь, дурак, коровья морда*. Фаза завязывания контакта не отвечает требованиям реальной ситуации общения: в ней не заинтересована ни одна из сторон.

Основная фаза, фаза *поддержания контакта*, представлена наиболее полно. Среди целей коммуникативных актов царя по отношению к генералу можно выделить несколько основных:

– передача информации, как правило, в виде приказа: *Ну-кошь мигом энту кралю / Мне доставить во дворец! / А коварного стрельца / Сей же час стереть с лица;*

– получение информации: *Хороша ль, плоха ли весть, – / Докладай мне все как есть...; Докладай без всяких врак, / Почему на сердце мрак, – / я желаю знать подробно, / Кто, куда, чаво и как;*

– поиск истины: *Нянька гнет меня в дугу, / а министр – ни гугу! / Ты у нас по обороне, / Вот и дай отпор врагу;*

– развитие темы: *Побеждать Федота надо / Не мечом, а головой; Чтоб худого про царя / Не болтал народ зазря, / Действуй строго по закону, / То бишь действуй... втихаря;*

– угроза: *Ну а будешь дураком – / Не ищи вины ни в ком: / Я тебе начищу рыло – / Лично этим кулаком!...; Сколь не бился ты милок / Не попал Федот в силок! / Об тебе*

уже составлен / Фициальный некролог. / Токо надобно решить, / Как верней тебя решить: / Оглушить канделябром – / Аль подушкой задушить?..

Способ языкового решения этих целей предсказуем: в речи царя преобладают глаголы-императивы (*докладай, действуй, дай*), формы инфинитива в императивном значении (*доставить во дворец, стереть с лица*), которые подчеркивают безапелляционность тона приказа или угрозы. Но нетрудно заметить несоответствие тона и содержания самих высказываний. Обратим внимание на следующий речевой ход: *Токо надобно решить, / Как верней тебя решить: / Оглушить канделябром / Аль подушкой задушить?* Наиболее характерным поступком царя в данном случае было бы приговорить подчиненного (генерала) к смертной казни. Однако царь «собирается» разобраться с генералом лично, более того, сделать это неопределенным способом. Алогизм происходящего подчеркивается и на языковом уровне – столкновение полных лексических омонимов *решить – решить*. Каламбур как вербальный ход перерастает в репрезентацию коммуникативной ситуации в целом: абсурдность поведения царя позволяет генералу не принимать всех угроз всерьез.

В общении с генералом царь реализует такие интенции, как требование (*Докладай мне все как есть...*), принуждение (*Действуй строго по закону, / То бишь действуй... втихаря*), приказ (*Ты придумай – как без сабли / Нам Федота побороть*), упрек (*Ну, а ты чаво молчишь / Да медальками бренчишь? / Аль не видишь, как поганют / Государственный престиж!*; *Ты у нас широк в плечах, / А башкой совсем зачах*), угрозу (*Ну, браток, каков итог? / Обмишурился чуток? / Только сей чуток потянет / Лет примерно на пяток!*; *Ну а будешь так же скор, / Как ты был до энтих пор, – / Я тебе, коровья морда, / Сам пристрою под топор!..; Ты за эдакую правду / Лет на десять можешь сесть*). В реализации указанных интенций представитель власти – царь – использует эффективные манипулятивные приемы: последовательность подачи информации, имитацию обилия информации, интерпретацию фактов, алогизм сообщения.

Речевое поведение царя по отношению к няньке имеет несколько иной характер. Здесь в основном реализуются такие интенции, как упрек (*Даже был гишпанский гранд – / Уж и щеголь, уж и франт! / В каждом ухе по брильянту – / Чем тебе не варианты? / Ты ж подстроила, чтоб гость / Ненароком сел на гвоздь, / А отседова у гостя – / Политическая злость...; Из Германии барон / Был хорош со всех сторон, / Дак и то не утерпела – / Нанесла ему урон. / Кто ему на дно ковша / Бросил дохлого мыша? / Ты же форменный вредитель, / Окаянная душа!..; От тебя ж – один бедлам, / Стыд царю, конфуз послам! / Я давно антересуюсь: / Ты не засланная к нам?..*) и угроза (*Али рот себе зашей / Али выгоню взашей!; Я за линию твою / В Соловках тебе сгною! / Я с тобою не шуткую, / Я сурьезно говорю!; Ты опять в свою дуду? / Сдам в острог, имей в виду!; Ну, шпиенка, дай-то срок – / Упеку тебя в острог; Ни шпионь и не вреди, / А осмелишься – гляди! / Разговор у нас с тобою / Будет крупный впереди!*). Выбор перечисленных интенций определен формой коммуникации – спором. Нянька, фактически находясь ниже по социальному статусу, чем царь, реализует в своей речи схожие интенции: критика, угроза (*Постеснялся хоть посла б! / Аль совсем башкой ослаб? / Где бы что ни говорили – / Все одно сведет на баб!; Что ж чесать-то, старый черт, / Коли лысину печет?! / У тебя ж тут кажный волос / Надо ставить на учет!..; Перед кем ты, старый бес, / Тут разводил политес? / Твой посол, я извиняюсь, / Третий день как с пальмы слез!*). Такое ответное поведение няньки ставит под сомнение не только авторитет царя, но и истинность его высказываний (Нянька: *Ты, дружок, из тех мужей, / Что безвреднее ужей: Егозят, а не кусают, / Не сказать еще хуже!*).

Негативное оценочное суждение няньки прямо противоречит тому описанию, которое дано царю скоморохом-потешником: *Царь на вид сморчок, башка с кулачок, а*

злбности в ем – агромаднй обьем; У царя рожса на свеклу похожа, а кады он краснй – он на руку опаснй! Бьет, зараза, не больше раза, но попадает не мимо глаза. Такое противоречие между описанием и реальным речевым поведением героя создает комический эффект: царь, целью речевого поведения которого должно быть манипулирование сознанием собеседника в собственных интересах, не достигает ожидаемого эффекта – скрытого воздействия на других участников речевой коммуникации.

Прием языкового манипулирования в речевом поведении царя проявляется в виде тактики «постановка вопроса»: *Ты у нас такой дурак / По субботам али как?; Ну, браток, каков итог? / Обмишурился чуток?; Я давно антиресуюсь: / Ты не засланная к нам?.* Такой вид языкового воздействия используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. Вопросительные конструкции не несут никакой информации в речевом акте, но создают эмоциональный фон, расставляют смысловые акценты. Такое речевое поведение царя указывает на прямое нарушение **максимы великодушия**.

В целом речевое поведение царя можно охарактеризовать как прямо противоположное большинству максим принципа вежливости. Не соблюдается **максима одобрения**, исключая «переход на личности» во время возникающих противоречий (царь няньке: *Вот ответь мне – слов не трать! / Где царевне мужа брать? / Чай, сама, дурында, видишь - / Женихов у ней не рать!;* генералу: *Ты у нас такой дурак / По субботам али как?.*). Нарушена и **максима симпатии**, основным условием которой является проявление доброжелательности собеседников по отношению друг к другу (царь о генерале: *Вот министр - мне не враг, / Все как есть сказал без враг, / А ведь он мужик неглупый, / Не гляди, что он дурак;* нянька царю: *Дак у шаха-то, видать, / Есть и силушка, и стать, - / А тебя, сверчок ты дохлый, / С-под короны не видать!.*) **Максима согласия**, сформулированная как «Не возражай», не просто не соблюдена в тексте – большинство диалогов построено на прямо противоположных правилах. Так, вместо отказа от конфликтной ситуации герои сознательно вступают в конфликт друг с другом.

Совокупность рассмотренных особенностей характеризует речевое поведение царя как уникальное с точки зрения реального коммуникативного акта: оно не отвечает большинству критериев нормативности речевого взаимодействия. Такое речевое поведение следует рассматривать как художественный прием, направленный на достижение целей, поставленных Л. Филатовым. Персонаж, царь, демонстрирует глупость, капризность, неумение управлять не только государственными делами, но и ближайшими подчиненными, неумение оценить свои возможности, желание завладеть тем, что не принадлежит ему по праву, и в то же время использует в своем речевом поведении яркие примеры манипулирования, репрезентирующие концепт «Власть».

Список использованных источников:

1. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР Ин-т рус. яз. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1985 – 1988. – Т. 1. : А – Й. 1985. – 696 с.
2. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935. – Т. 1. : А – К. 1935. – 1566 с.
3. Иллюстративный словарь русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М. : Эксмо, 2007. – 928 с.
4. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс – Универс, 1995. – 456 с.
5. Филатов, Л. Стихи, песни, пародии, сказки, пьесы, киноповести / Л. Филатов. – Екатеринбург : У-Фактория, 1998. – 544 с.
6. Образ власти в русских народных сказках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: isras.ru/files/File...2011-11/Strelkova.pdf. – Дата доступа: 8.11.2011.